

А. И.
КУПРИН

Избранное

Париж домашний

Александр Куприн

Пер-ля-Сериз

«Public Domain»

1927

Куприн А. И.

Пер-ля-Сериз / А. И. Куприн — «Public Domain»,
1927 — (Париж домашний)

«Если переводить это прозвище на русский язык, то всегда складнее было бы сказать: дядя Слива. «Отцом» – и то с приставкой имени или сана – у нас называют лишь лиц духовного звания; родного отца зовем: батюшка, тятя, тятенька, родитель, папенька, папаша...»

Содержание

Александр Иванович Куприн

Пер-ля-Сериз

П. М. Пильскому

Если переводить это прозвище на русский язык, то всегда складнее было бы сказать: дядя Слива. «Отцом» – и то с приставкой имени или сана – у нас называют лишь лиц духовного звания; родного отца зовем: батюшка, тятя, тятенька, родитель, папенька, папаша. «Дядя» – семейное, соседское, дружеское обращение, не лишенное порою небрежной сердечности или легкой насмешки. «Ус да борода – молодцу краса: выйдешь на улицу, дяленькой зовут». А если к тому же кличка «пер-ля-Сериз» обесмертила чей-то нос, то уж никогда вишне, даже владимирской, не устоять цветом и величиною против крупной красной сливы-венгерки... Впрочем, так и быть: оставим из вежливости французский *Sobriquet*¹.

Нос у пер-ля-Сериз'а и правда замечательный: большущий, круглый, сизо-красный, сияющий. У Шекспира Бардольф, кабацкий приятель беспутного принца Гарри, вероятно, обладал таким же носом: «...Когда спускаешься с Бардольфом в винный погреб, не надо брать с собою фонаря...»

Настоящее имя пер-ля-Сериз'а давным-давно вылиняло, стерлось под прозвищем: должно быть, этот старый огненноносый, веселый толстяк и сам его с трудом вспоминает. Нет у него никакого общественного положения: ни службы, ни места, ни профессии, ни работы. Никто не скажет, где он живет и есть ли у него семья. Но весь коренной, настоящий Париж, уже во многих поколениях, знает и помнит пер-ля-Сериз'а гораздо больше, чем бесчисленное множество знаменитостей, которые всегда наполняют атмосферу великого города двухминутным блеском своих имен. Лишь старому «тигру»² уступает ныне пер-ля-Сериз в популярности, как уступал прежде Саре Бернар.

Кто же он, наконец, этот прославленный пер-ля-Сериз? – Да никто. Или почти никто. Игрок на скачках.

В Париже и его окрестностях чуть ли не десять прекрасных ипподромов, и нет дня, – круглый год, без перерыва, – чтобы хоть на одном из них не было скачек, которые так страстно любимы и посещаемы парижанами. Правда, бывают изредка хмурые, дождливые дни, совпадающие с неинтересными скачками на малые призы, когда аристократические трибуны (*Pesage*) слегка пустуют. Но демократическая дешевая лужайка (*Pelouse*) всегдалюдна, невзирая на дождь, снег, мороз, град, молнию, ураган и чертовский зной. В большие дни она – сплошь черная и кипящая народом – вмещает сто тысяч зрителей. И всегда вы на ней можете без труда разыскать пер-ля-Сериз'а по его большому росту, толщине, громкому голосу, домашнему, небрежному костюму и великолепному носу. Вокруг него, в ожидании первого звонка, особенно густеет толпа.

Он знаменит, а слава обладает магнитным притяжением. Он удачливый игрок, а вся масса, толпящаяся на лужайке, состоит из горячих игроков. Он великий знаток конюшен, тренеров, жокеев и лошадей с их родословными, вплоть до прадедов и прабабок, но кто же из бесчисленных зрителей не слагал и не учитывал сегодня с утра всех этих данных, включая сюда еще возраст, пол, вес, характер и погоду?

Но главное – пер-ля-Сериз говорит остро, быстро и забавно. В Париже безмерно чтут хорошо сказанное слово: все равно, будь это красноречие клоуна, уличного продавца галстуков и подтяжек, митингового крикуна, смелого адвоката или любимого депутата. Каждый фран-

¹ Прозвище (*фр.*).

² Почетное прозвище Клемансо. (*Прим. автора.*)

цуз – прирожденный оратор, исключая немых, а также заик, которых в Париже вовсе нет. Во Франции, впрочем, говорят и мертвые, и всегда – блестяще.

Конечно, у многих слушателей пер-ля-Сериз'а есть тайная корыстная надежда на то, что этот продавец скачечных судеб возьмет да и расщедрится на счастливое *tuau*³. Оттого-то пер-ля-Сериз'а и осыпают со всех сторон торопливыми, игриво-жадными вопросами. Он отвечает охотно, легко и забавно, но в духе дельфийского оракула, которому вздумалось побалагурить. Обращаются к нему на «ты», но тут нет ничего обидного. Скорее это заслуженный почет. Парижская толпа всегда тыкает своим прочным любимцам, и это ценно для них подобно тому, как в старое время «ты» в устах короля было для придворных высшим знаком отличия, одобрения и близости.

– Вы хотите непременно выиграть на первом месте в призе «Лютеция», – говорит пер-ля-Сериз, шуря свои тяжеловекие, лукавые глаза, – нет ничего легче. Поставьте сразу на всех восемь лошадей. Выигрыш несомненен.

Спрашивавший возражает кисло:

– Да. А если придет Фаворит и за него дадут десять су?

– Ах, мой друг. Тогда не ставьте вовсе. Знаете закон: кто уходит со своими деньгами – тот всегда в выигрыше.

– Пер-ля-Сериз! Что ты думаешь о Ньюдо? Есть ли у него сегодня шансы?

– Как я тебе отвечу на это, старина? Ньюдо – прекрасный жокей, вот и все. Но чтобы сказать о шансах жокея, надо знать, что он вчера делал, что ел и как он провел ночь; в каком состоянии его желудок и как обстоят его любовные дела. А я знаю только его вес... Шестьдесят два кило.

– Аркебуз? – Это лошадь! Ставь на нее, малютка, ставь все, что у тебя есть в кошельке, в портфеле и в заднем кармане. Выигрыш верный. Но одно маленькое-маленькое условие. С Аркебузом, видишь ли, поскачут еще пять лошадей. И надо непременно, чтобы одна из них сбросила своего всадника, другая упала на препятствии, третья занеслась в сторону, по ложному пути, четвертая внезапно захромала, а пятая вдруг остановилась бы перед барьером и ни за что не захотела его брать. Тогда Аркебуз притащит тебе, мой крошка, целый вагон денег. Не забудь только пригласить меня на обед с устрицами и анжуйским вином. Я тебе дал отличный подсказ.

– Нет, я не пророк, господа, и не ясновидящий. Только я, как и вы, учился в школе арифметике. Хороший жокей на плохой лошади, плохой жокей на хорошей лошади и средний жокей на средней лошади имеют равные шансы на успех. Вам остается только выбирать. А! Вы хотите знать судьбу наверняка? Но тогда пропадает вся прелесть игры, состоящая в риске и волнении. Тогда, старина, лучше открой мелочную лавку или сделайся собачьим парикмахером – выигрыш медленный, но верный...

Звенит первый звонок. Выставляются на досках номера лошадей и фамилии жокеев первой скачки. Глухо стучат компостеры в сотнях игорных касс. Толпа вокруг пер-ля-Сериз'а редет, разбредается...

Только совсем желторотому новичку придет в голову идти следом за пер-ля-Сериз'ом и ставить на те номера, на которые он ставит. Проигрыш ему заранее обеспечен: пер-ля-Сериз ставит только на тех лошадей, которые никогда не могут прийти. Правда, на тысячном разе, при нелепейшем капризе судьбы, он берет баснословные куши, но они не покрывают мелких проигрышей, и не в них искусство пер-ля-Сериз'а. Мелкие ставки он ставит лишь для того, чтобы сплавить, отводить от себя жадную публику, с которой поневоле пришлось бы делиться с выигрышем. Нет: все опытные посетители лужайки отлично знают, что пер-ля-Сериз'ова игра лишь стратегическая демонстрация. За него, по его таинственным приказам, играют в разных

³ Труба; иносказательно: подсказка, слух. (Прим. автора.)

кассах послушные ему проворные помощники или крупные игроки, отделяющие ему высокий процент. Но эти люди до сих пор остались неуловимы для глаз любопытных.

У пер-ля-Сериз'а есть деньги, и порядочные.

Однажды весной, разнеженный красотой, благоуханием и свежестью майской ночи (об этом писали в газетах), пер-ля-Сериз вздремнул на скамейке в парке Монсо. Летучий велосипедист-городовой спросил у него вид на жительство, но такового у пер-ля-Сериз'а не оказалось с собою. Он мог только предъявить банковское свидетельство о вкладе на его имя нескольких десятков тысяч франков. Городовой был из новых, корсиканец, недоверчивый и весьма усердный к службе. Он отвел пер-ля-Сериз'а в комиссариат. Там все это недоразумение разрешилось в одну секунду. «Чудак! Да ведь это пер-ля-Сериз. Сам пер-ля-Сериз. Вы свободны, дорогой папа!»

Совсем на днях он опять попал в газеты, заставив весь Париж говорить о себе с добродушной улыбкой.

Он пришел на скачки ровно с пятью франками, составляющими минимальную ставку на демократической лужайке. Он показал эти пять франков своим неизменным слушателям и сказал:

– Покойный жокей Парфреман, прозванный «крокодилом», – великий жокей, – выиграл однажды пять первых призов. Но вы, мои старички, были еще бланбеками⁴, когда легендарный жокей Мак-Канед взял все шесть. Так сегодня и я выиграю, на всех шести скачках, шесть первых мест.

Публика посмеялась. Все приняли похвальбу пер-ля-Сериз'а за обычное шутовство. Никто не следил за его игрою, кроме двух-трех человек, когда на лужайке разнесся слух, что у пер-ля-Сериз'а бешеный успех! Он играл уже в стофранковой кассе, где мелкие игровишки не могли влиять на судьбу его ставок.

Он унес с собою шестьдесят четыре тысячи.

Я думаю, что здесь важны были не деньги. Мне хочется думать, что старинный любимец парижской толпы пер-ля-Сериз, – как-никак, а все-таки в своем роде один и единственный в Париже, – хотел широко заплатить своей публике за долголетнее внимание блестящим представлением в духе лужайки.

⁴ Молокососами (фр.).